

УДК 94 (437)(57) «1918/20»

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

ДОСУГ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ В РОССИИ И НА ПУТИ ДОМОЙ В 1919–1920 гг.

© Далибор Ваха (перевод С. Магида)

Статья описывает некоторые особенности повседневной жизни чехословацких добровольцев в России во время Гражданской войны. Чешские и словацкие добровольцы (обычно более или менее точно именуемые как чехословацкие legionnaires) были военным корпусом, который изначально создавался для борьбы с Австро-Венгрией и Германией. Тем не менее в 1918–1920 гг. они воевали с Красной Гвардией, красными партизанами и Красной Армией в Восточной России и Сибири. Они логически связаны с Белыми Русскими силами, однако преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой. Исследование не нацелено, собственно, на военные операции или политическую подоплеку, оно сфокусировано на занятиях солдат в свободное время, включая музыку, театр, чтение и т. д. Последняя часть текста посвящена возвращению чехословацких волонтеров (легионеров) домой на кораблях, буквально совершивших путешествие вокруг земного шара.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война в России, Первая мировая война, чехословацкий добровольческий корпус в России, чехословацкие legionnaires, занятия в свободное время, музыка, театр, окопные газеты, повседневная жизнь, Сибирь.

Формат цитирования: Далибор Ваха. Досуг чехословацких legionnaires в России и на пути домой в 1919–1920 гг. / пер. С. Магида // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 88–118. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

CZECHOSLOVAK LEGIONNAIRES AND THEIR FREE TIME IN RUSSIA AND ON THE WAY HOME (1919-1920)

© Dalibor Vacha (translated by S. Magid)

The text outlines some features of the Czechoslovak volunteers' everyday life in Russia during the Russian Civil War. Czech and Slovak volunteers (usually more or less precisely labeled as Czechoslovak legionnaires) were a military corps which had been originally built to fight Austria Hungary and Germany, nevertheless, in years 1918-1920, they fought the Red Guards, Red partisans and finally the Red Army in Eastern Russia and in Siberia. They are logically connected with the White Russian Forces however they pursued their own goals – to survive and come home alive. The study itself does not focus on military operations or their political background, it focuses on free time activities of those soldiers, including music, theater, reading etc. The last part of the text is devoted to the Czechoslovak volunteers' (legionnaires') way home by boats, literally around the globe.

Keywords: Russia, Civil War in Russia, First World War, Czechoslovak Volunteer Corps in Russia, Czechoslovak legionnaires, Free Time activities, Music, Theater, trench newspapers, everyday life, Siberia

Citation format: Dalibor Vacha. Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920) / translated by S. Magid. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 88–118. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

«Один за другим дни уходили в забвение... До обеда народ немного тренировался в вольных упражнениях у военного лагеря, выполнял работы на кухне, стирал

и штопал белье, колос дрова и делал другие подобные работы. Клапка, Когоут и Шкопек занимались своими лошадьми и гоняли их по лугу. Некоторые братья учились верховой езде. После обеда репетировали музыканты, братья-«соколы» оттачивали игру в девятером..., а Богач увел певцов в здание школы и там учил их искусству мужского хорового пения. Остальные штудировали французский, читали те несколько книг, которые ходили по кругу из теплушки в теплушку и были захвачены как календари столетней давности, писали дневники или бродили вокруг эшелона...» (ZEMAN, 1931. s. 204).

С 1914 г. чехословацкие военнослужащие в России называли себя добровольцами, термины «легионеры» и «русские легионы» для их обозначения появились в Чехословакии только в конце 1918 г. Причем прабразом названия послужил именно современный им французский иностранный легион, а не легионы Древнего Рима. Терминологическую новацию чехословаки в России первоначально встретили негативно, но постепенно все же приняли. Окончательно она утвердилась в мемуарной литературе 1920–1930-х годов.

В начале 1919 г. положение добровольцев в России снова изменилось, чехословацкие соединения были отозваны с западных антибольшевистских фронтов и переброшены на охрану Транссибирской железнодорожной магистрали. Речь шла о задаче особенно важной – магистраль была главной транспортной артерией и позвоночником всех сибирских «белых» режимов. В отличие от второй половины 1918 г., движение легионерских эшелонов замедлилось, а во многих случаях и вообще прекратилось. Изменения коснулись всех аспектов жизни легионеров и были еще углублены реорганизационной деятельностью командования корпуса, которая началась после приезда Милана Рагислава Штефаника (первого чехословацкого министра обороны (Československý Deník, 1918. 2, 7 декабря).

В связи с известной статичностью и (поначалу) более спокойным характером службы, у солдат было больше свободного времени; люди, занимавшиеся в корпусе

культурой могли в связи с этим более тщательно готовиться, на них уже не давил тот пресс, под которым они находились в условиях боевой обстановки еще несколько месяцев назад. Сдвигом можно также, без сомнения, считать переход от любительских мероприятий к профессионализму, от неорганизованного досуга к организованному. Стало заметно меньше непрофессиональных театриков, хоров и других кружков. Практически все было официально учтено, записано в таблицы, имело руководителя, завхоза, более или менее контролируемую и действующую структуру. По мере того как армию покидал первоначальный дух добровольчества¹, до известной степени исчезала также стихийная активность, то культурное просвещение, которое так динамично развивалось, благодаря усилиям «снизу», спонтанному желанию отделиться чему-либо всей душой, все, что было так типично для войска в предшествующие годы. На этот упадок влияли сложные условия, в которых находились солдаты и которым они противостояли.

Определение того, чем был досуг в легионе, является довольно сложной проблемой; в дальнейшем изложении под ним будет пониматься то время, которое солдат проводил вне службы и военных действий. Если при изучении мирного времени можно говорить об определенной периодичности «свободных минут» (таких как воскресенье, праздники и т. п.), то во время войны речь идет о периодах повторяющихся нерегулярно и длящихся по-разному. Все к тому же осложнялось позицией индивидуума в пространстве и времени, – у добровольцев в разных местах и на разных этапах службы были диаметрально противоположные возможности к проведению досуга, т. е. времени вне строя. Следующее описание относится к Иркутску, который долгое время оставался столицей чехословаков в Сибири;

¹ Начиная с 1 января 1919 г., вступающие в корпус солдаты уже не получали статут добровольцев; с этого времени отменяются почти все «демократические привилегии», которые были до этого в корпусе. Since January, 1, 1919 entering into the Corps soldiers have not received the status of volunteers; since then cancelled almost all “democratic privileges, which were previously in the Corps.

здесь он сравнивается с другими местами дислокации частей корпуса вдоль Транссибирской магистрали: «Службы там достаточно, свободного времени тоже и используется оно по-всякому. На кого там ни посмотришь, в Иркутске у каждого есть какое-то свое занятие. Есть у них там театр, библиотека, шикарная дядюшкина чайная², такое «солдатское собрание» (выделенные слова и выражения написаны в чешском тексте по-русски. – Прим. пер.), но совершенно замечательное. Я там был три раза и скажу вам, что то, что у нас тут при штабе полка, это ерунда, по сравнению с тем, что у них там в Иркутске. Они там играют в шахматы, в шашки, в футбол, во что хотите, гуляют с барышнями. Какую девушку в Иркутске ни возьми, каждая, по меньшей мере, «дочь полковника» и все ищут «защитника», который бы их отвез к родителям» (VLASÁK, 1934, s. 222).

Краеугольным камнем просветительской и культурной деятельности в войске в ту пору был ИОО (Informačně osvětový odbor), т. е. Информационно-просветительский отдел, который в своих «командах» сосредотачивал наиболее талантливых, опытных мастеров либо просто энтузиастов со всего корпуса. Когда и как он возник? В конце мая 1918 г. в Челябинске, на I съезде корпуса было организовано (либо подтверждено существование) двенадцати отделов (финансового, военного, кадрового, обеспечения, юридического, медицинского, социальных дел, пропаганды, просветительского, народно-хозяйственного, словацкого и земляческого). Из них нас интересуют два – просветительский и информационный. Два эти отдела, независимые друг от друга (ведением дел), были в начале 1919 г., по приказу генерала Штефаника о реорганизации управленческого аппарата (KRATOCHVÍL, 1928, s. 246, 249), ликви-

Рис. 1. Генерал М.Р. Штефаник
Fig. 1. General M.P. Shtefanik

дируемого ОЧСНР в России³, соединены в один отдел, который получил название Информационно-просветительского. Для этого отдела в своеобразной языковой среде легиона прижилась аббревиатура ИОО, которую затем солдаты заменили словом «сотня». Всем этим «цирком» командовал и управлял более чем усердный председатель Йозеф Кудела, который был не только автором многочисленных корреспонденций во всех возможных печатных органах во время своего пребывания в России, но он не замолчал и вернувшись на родину. Послевоенная деятельность Йозефа Куделы хорошо известна современным историкам⁴.

³ Отделение Чешского Национального Совета в России, до момента своей ликвидации главный политический орган чехословацкого движения в России. Department of the Czech National Council in Russia, until its liquidation it was the main political subject of the Czechoslovak movement in Russia.

⁴ Напр.: KUDELA, Josef, *Generál St. Čeček, Velitel povolžské fronty*, Brno 1930; *S našim vojskem na Rusi I, V době příprav*, Brno 1922; *S našim vojskem na Rusi II, Na druhou frontu*, Brno 1923; *Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi, Do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny*, Praha 1923. Й. Кудела также редактировал *Deník plukovníka Švece* (Praha 1923). For example: KUDELA, Josef, *Generál St. Čeček, Velitel povolžské fronty*, Brno 1930; *S našim vojskem na*

² Речь идет о чайных, организованных на средства ИМКА, которую называли «американским дядюшкой».

The talk is about the tea-café organized by the funding of IMKA which was named “American uncle”.

Центром всего отдела был секретариат, которым руководил поэт и редактор журнала «Чехословенские беседы» Йозеф Копта⁵. Секретариат осуществлял надзор за бухгалтерами и завхозами; он также распоряжался складами с припасами, которые были необходимы Отделу с хозяйственной точки зрения. Наиболее значимой в Отделе была журналистско-информационная работа, которую осуществлял «Чехословенский денник». Вся продукция Информационного отдела печаталась в особой типографии, которая в 1918 г. определенное время находилась в поезде, так же как наборное отделение или склады красок и бумаги. Отделение просвещения занималось организацией театральных постановок, лекций, библиотек и музыкальных выступлений. О библиотечном отделении, музыкальной «команде», театральной «команде» и симфоническом оркестре будет подробно сказано ниже. Ко всему этому можно прибавить отделение живописи и скульптуры, каждое с несколькими мастерскими, и, не в последнюю очередь, историко-архивное отделение, которому принадлежит большая заслуга в сохранении многих важных документов разного характера. Организация нескольких высокопрофессиональных художественных коллективов, буквальное их создание из ничего, большой размах журналистской деятельности и целый ряд более или менее успешных мероприятий – все это была только вершина айсберга огромной ежедневной работы Отдела.

Музыка

Говорят, что музыка соединяет народы, что это язык, который не требует слов. Одним из тех, кто действенность этой поговорки доказал в тяжелых условиях жизни в России во время русской гражданской войны, был чешский композитор и дирижер Рудольф Карел, который работал учителем

музыки в Ростове-на-Дону и в Таганроге уже перед войной, в легион вступил в 1918 г. после краткой остановки для «дела служения большевизму», и в феврале 1919 г. стал дирижером симфонического оркестра, находящегося в ведении ИОО. В Сибири у этого оркестра было мало конкурентов, поскольку русские оркестры находились в состоянии хаоса, как и оркестры, составленные из рядов австро-венгерских военнопленных. Оркестры военнопленных использовались сибирскими официальными властями; так, на одном из концертов в Красноярске, который окончился скандалом по поводу того, исполнять или не исполнять государственный гимн царской России, присутствовал и представитель британской армии подполковник Джон Уорд.

Оркестр под руководством Карела⁶ провел в Сибири 92 концерта – в Екатеринбурге, Омске, Владивостоке и во множестве других городов. Больше всего концерты проводились на разных участках сибирской магистрали, соединяющей два таких железнодорожных узла как Иркутск и Омск. Последние два выступления вне родины оркестр провел в Сингапуре во время возвращения в Чехословакию. Во время первого полугодия управления оркестром Карел подготовил вместе с музыкантами исполнение, по меньшей мере, 38 музыкальных произведений (16 симфоний и больших симфонических поэм и 22 малых музыкальных опусов), из этого числа – 11 сочинений чешских авторов.

Рудольф Карел в униформе легионера и «его» сибирский симфонический оркестр задокументированы также и в образной форме. На одной из самых известных фотографий весь оркестр снят под открытым небом и это напоминает нам о том, что большая часть концертов проходила вне каких-либо концертных залов. За одним

Rusi I, V době příprav, Brno 1922; *S našim vojskem na Rusi II, Na druhou frontu*, Brno 1923; *Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi, Do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny*, Praha 1923. I. Kudelya had also edited *Deník plukovníka Švece* (Praha 1923).

⁵ Подробнее об этой и следующих персоналиях см.: (GALANDAUER, 1993). For more details about this person and others see: (GALANDAUER, 1993).

⁶ Хотя формальным командиром оркестра был прапорщик Владислав Складак, истинной душой и мозгом оркестра являлся, конечно, Рудольф Карел. Завхозом «художественной воинской части» был Вацлав Иннеман.

Although the formal commander of the orchestra was ensign Vladislav Skladal, the true soul and brain of the orchestra was, of course, Rudolf Karel. Steward of “the art-military troop” was Vaclav Inneman.

Рис. 2. Чешские музыканты
Fig. 2. Czech musicians

исключением, все шестьдесят членов оркестра были военнослужащими Чехословацкого корпуса; исключением была русская исполнительница Лидия Львовна Альбрехтова, которая работала в оркестре на догворе.

На одном из концертов симфонического оркестра во Владивостоке побывал и руководитель делегации из Чехословакии Франтишек Вацлав Крейчи: «...еще несколько сочинений для оркестра и программа завершается симфонической поэмой Римского-Корсакова „Пасха“. Как видно, высоко мы поднялись со времен своей спартанской жизни в сибирской и маньчжурской глуши, можем теперь получать удовольствие от высоких музыкальных переживаний. Все это, конечно, благодаря тому, что у нас есть уже здесь, во Владивостоке, искушенный сибирский оркестр, которым руководит Рудольф Карел» (KREJČÍ, 1922, s. 298). Встреча во Владивостоке не была первым знакомством Франтишека Вацлава Крейчи с сибирским оркестром; впервые с работой Карела Крейчи познакомился недалеко от Байкала и уже там оркестр, главным номером которого была на том концерте «Пятая симфония» Бетховена, поразил Крейчи качеством своего исполнения.

Сибирский «ангажемент» Карела помог ему сделать карьеру и стать повсеместно

известным, ибо, по большей части, именно его заслугой оркестр в своем исполнении достиг такого мастерства. Это верно оценивает Крейчи, говоря: «Только Сибирь дала ему то, чего он не мог найти дома: руководить оркестром с дирижерской палочкой в руке. С другой стороны, только вот такая сильная индивидуальность могла создать это чудо чешского музыкального искусства, каким был симфонический оркестр нашего сибирского легиона» (KREJČÍ, 1922, s. 69). Успех этого музыкального коллектива был таким, что не было никаких шансов достать билеты в день его концерта – они бывали полностью проданы уже за два дня перед этим.

В распоряжении просветительского отдела находилась еще «музыкальная команда», в которую в конце 1918 г. входило несколько талантливых людей. К ним относились виртуоз игры на скрипке Йозеф Музика (в источниках и литературе можно обнаружить ошибочный вариант его фамилии: Музыка), пианист и композитор Олдржих Блеха, певец-тенор Демков, бас Голы и сопранистка Лаврова. В состав «музыкальной команды» входил и скрипичный виртуоз Франтишек Шмид, который сначала давал концерты для владивостокского гарнизона, а потом отправился в персональное турне по Китаю и Японии. Музыкальная команда не получила такого успеха

как симфонический оркестр, но в течение 1919 г. провела 37 отдельных концертов и еще в 22 концертах приняла участие.

Множество концертов дали полковые оркестры, которые принимали участие в различных общественных мероприятиях, включая и церемониалы международного характера, такие как, например, приветственные марши в честь приплывших во Владивосток политических деятелей или воинских частей союзников. Полковую музыку с похвалой упоминает подполковник британской армии Джон Уорд; он, однако, вспоминает и об одном конфузе точно не названного им оркестра, который в честь его солдат и его самого сыграл песню «Правь, Британия», ошибочно полагая, что исполняет британский государственный гимн (WARD, s. 8).

Тот факт, что чехословаки не застыли на уровне старых, давно опробованных музыкальных методов, жанров и стилей, доказывает своим свидетельством французский генерал Морис Жанен. К сожалению, сдержанность генерала не позволяет нам точно определить, какой музыкальный коллектив занялся экспериментированием, возможно, это был как раз оркестр Карела: «6 (марта 1920. – Д.В.) вечером был концерт чехословаков. Совсем неплохо. В программе был виртуозный номер, сочиненный капельмейстером и названный «1914–1919. Война в России». Он состоял из тридцати небольших фрагментов типа «Атака казаков», «Взятие Львова», «Финский полк наступит на левом фланге» и т. д. Чтобы не было накладок, у рамы поставили солдата, который держал на палке рамочку, куда он в нужный момент вставлял кусок бумаги с названием следующего номера. Это был истинный рекорд, достигнутый в области описательной [deskriptivní] музыки» (JANIN, 1923, s. 234).

К наиболее известной музыкальной продукции официальных коллективов, включая полковые оркестры, нужно прибавить концерты-гуляния, которыми легионеры радовали любящее музыка русское общество. Самым знаменитым является, конечно же, концерт оркестра 7-го полка на вокзале в Новониколаевске 25 мая 1918 г., который должен был отвести внимание

противника перед атакой соединений Гайды (Gajda, 1920, s. 25).

Музыкой постоянно занимались и неформальные кружки или просто отдельные добровольцы. Особенно им понравился такой классический русский музыкальный инструмент, как гармонь, но не забыты были ни гитара, ни скрипка, ни духовые. Морис Жанен в день именин Иосифа (19 марта) 1920 г. был удивлен общей музыкальностью солдат армии, которой он руководил как верховный главнокомандующий союзных войск: «Где они только достали все эти инструменты? Меня просто потрясает, сколько у них скрипачей» (JANIN, Maurice, *Moje účast*, s. 237).

Музыку солдаты не только слушали. Оркестры широко участвовали в вечерах культуры, из которых некоторые превращались просто в вечера танцев: «...ударники из нашего ударного полка собрались в своем клубе на танцевальный вечер. Тот оказался притягательным и для множества ребят из наших 9-й и 12-й рот [5-го полка. – Д.В.], среди которых был и я. Вечер вполне удался, шустрые ударнички удивили нас тем, как здорово они разбирались в русских танцах, которые сами по себе очень красивы. Было там и много девчат, хотя местным и трудно было в связи с чрезвычайным положением добраться сюда. Где девушек не хватало, там друг с другом танцевали парни. Музыка была что надо, оркестр ударников и еще рояль со скрипками, зал был вместительный, так что ребята развлекались от души...» (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 16).

Нельзя не упомянуть и механическую музыку, то есть граммофоны, которые постепенно переставали быть для солдат недоступной роскошью.

Театр

Армейский театр Чехословацкого корпуса в России (ранее бывший «Театральной командой при Информационно-просветительском отделе Филиала Национального совета») являлся еще одним из «изделий» пропагандистско-просветительского отдела; официально он входил в сектор просвещения, которым распоряжался Людвик Кундера. Самим театром руководил Йозеф

Йеничек, человек с еще довоенным актерским опытом и неудавшейся послевоенной актерской карьерой. В армейском театре успешно играл Зденек Штепанек, который после войны стал известен как Бенъямин Смола; этот театр отличался от остальных еще и тем, что в нем было также две или даже четыре актрисы. Одной из этих актрис была барышня Кустова, изначально хористка пражского Театра на Виноградах; она еще до войны поехала в Россию в отпуск и в конце концов оказалась в чехословацком армейском театре, с которым и вернулась домой.

В полковых театральном ансамблях женские роли исполняли переодетые и нарядные мужчины. Всего в армейском театре в конце 1919 г. играло 18 человек; актеры были в то же время военнослужащими корпуса, что им давало всевозможные выгоды и привилегии (одежду, паек, жилье). И в хозяйственном отношении их снабжал корпус, было у них собственное помещение, был к ним придан и обслуживающий персонал, который обеспечивал деятельность театра (в качестве суфлеров, костюмеров, рабочих сцены, театральных художников и т. п.), но официально работал на кухне или в административном аппарате.

Театр был основан в феврале 1919 г. в Екатеринбурге, его деятельность состояла в бесконечных поездках туда и обратно по Транссибирской магистрали в разные города, где находились чехословацкие гарнизоны. В течение первых девяти месяцев в 17 городах было дано 235 представлений разных жанров, с разным актерским составом и разного качества. Практически каждое представление пользовалось огромным успехом; но популярности оркестра под управлением Карела театру так и не удалось достичь среди русских – мешал языковой барьер. Последнее выступление состоялось еще в мае 1920 г., затем труппа погрузилась на корабль и пустилась в путь на родину; так завершилась ее деятельность. Из репертуара можно упомянуть такие пьесы, как всеми особенно любимый «Третий звонок» Штеха и «Жатву» Шуберта. Исполнялась, конечно, и классика, например, «Марыся» братьев Мрштиков,

«Яношик» и др. Всего было отрепетировано не менее 24 спектаклей, из них 4 одноактные (по пьесам чешских авторов – 12).

Отдельные полковые театры старались идти в ногу с армейским театром, но, хотя и не без исключений, не имели равных возможностей, особенно ощущалось отсутствие актрис. Впрочем, и в полковых театрах встречались известные люди, так, например, художественным руководителем театра 1-го полка был до октября 1919 г. уже опытный драматург Франтишек Лангер. Достаточную известность снискал театр на Русском острове во Владивостоке; его творческим лидером был актер еще довоенного времени Вацлав Менгер, благодаря изумительной памяти которого труппа располагала рядом сценариев классических спектаклей – в России эти сценарии невозможно было достать. В репертуар этого небольшого театра входили спектакли по таким пьесам, как «Флашман-воспитатель» Эрнста, «Дочь поджигателя» Тыла и другие, из которых, скажем, спектакль «У белого конька» запечатлен и на фотографиях. Представления театра под управлением Менгера посетила и так называемая «делегация с родины». Эта Группа политиков и специалистов под руководством Франтишека Вацлава Крейчи прибыла в Россию в августе 1918 г.; ее задачей было не только передать новости из дома, но и посылать информацию обратно в Чехословакию, а затем действовать в Сибири в качестве полномочного представителя чехословацкого правительства. Члены «делегации» оставили воспоминания о Менгере, особенно интересно свидетельство Винченца Червинки (ČERVINKA, 1920, s. 48). Вацлав Менгер не боялся никаких экспериментов, на Русском острове спектакль «У белого конька» ставили прямо на природе, хотя в распоряжении театра был и в целом неплохой зал в одном из казарменных зданий.

Солдаты ходили и в местные театры; своего рода культурным шоком могло быть посещение китайского театра; его описание оставил нам Карел Фибих. В тексте очевидно стремление автора откомментировать удивительное представление до последней детали, мы же ограничимся лишь кратким отрывком, который, однако, впол-

не достаточен для того, чтобы почувствовать атмосферу театра и реакцию чехословацких добровольцев: «У входа в зрительный зал стояли два русских стражника, которые, несмотря на протест билетеров с косичками, втолкнули нас вовнутрь. Наши носы окунулись в атмосферу, прямо-таки беременную рыбой и «ароматами» чеснока. Деревянный пол зрительного зала, поднимающегося в виде амфитеатра, скрипел как дырявая гармоника. Мы быстро уселись на скамью в последнем ряду. Представление шло полным ходом. Чары экзотики захватили нас и мы уставились на все это, точно попали на луну... Все это было для нас чем-то совершенно невообразимым... Китайские актеры в гротескных масках, выраженные под драконов, в маскарадных одеждах, занимались какой-то неестественной акробатикой, в то время как отдельные виртуозы, застыв в скованных позах, пели свои арии прямо-таки разрывающими сердце голосами. Мы, конечно, ни черта не могли понять, что означало и изображало все это кривляние, визжание,

верещание и фокусничество. Сзади, на сцене без кулис, вместо которых свисало множество разноцветных лент и фонариков, сидели на подушках, брошенных на толстый ковер, 6 музыкантов, составляющих оркестр этой оперы, и в течение всего действия они творили чудеса в деле извлечения всевозможнейших фальшивых аккордов, а минутами создавали просто адский грохот. Визгливая дисгармония звуков чередовалась в безумном темпе с гроыханием жести и барабанным боем, рвущие нервы туши и арии следовали за воющим блянием актеров...» (FIBICH, 1938, s. 140).

Праздники и торжества

Штатскому человеку может показаться, что воинские торжества и публичные принесения присяги или смотры никакой цели в самих себе не имеют и проводятся только для той части общества, которую воинская часть на марше и военная техника могут привести в состояние перманентного восторга. Это не так. Воинские торжества поддерживают мораль войск, придают военно-

Рис. 3. Чешские кавалеристы, 1919 г.

Fig. 3. Czech cavalry, 1919

служащим должное чувство единства, чувство гордости тем, что все они принадлежат к людям, носящим военную форму.

В период тяжелых боев 1918 года не было практически никакой возможности устраивать подобные «праздники», но с ноября 1918 г., когда в Россию прибыл первый чехословацкий министр обороны Милан Растислав Штефаник, состоялся сразу целый ряд таких акций. То же самое происходило и после прибытия в Сибирь и во время поездок по гарнизонам делегации из Чехословакии, которая приехала летом 1919 г. (KREJČÍ, 1922). Пребывание делегации в гостях у армии превратилось в одну непрерывную карусель смотров, воздаяния почестей, ораторских выступлений, официальных вечеров и «аудиенций». Особенно любимым и удавшимся зрелищем были воинские смотры. Помимо полковых годовщин праздновался день Св. Вацлава (28 сентября) и отмечался день сожжения Магистра Яна Гуса (6 июля). В самый большой праздник превратилось 10 ноября 1918 г. в Екатеринбурге – день вручения знамени второй стрелковой дивизии Чехословацкого корпуса.

Следующие несколько строчек мы по-

святим тому, как выглядел типичный «парад» русского легиона. Первым шагом было определение программы и ее рамок, потом выбор воинского соединения, перед которым ставилась основная задача смотра или цикла упражнений, проходивших в присутствии зрителей. Вторым шагом был выбор места, где такой смотр или такой праздник мог состояться. Смотры с демонстрацией элементов боевых действий обычно проводились за городом, тогда как классические парады и торжества передачи знамен проходили на площадях больших русских городов. Если речь шла об учениях за городом, то выбирался специальный ландшафт, подходящий для проведения предполагаемых действий; если речь шла о демонстрации кавалерийской атаки, это была равнина; для саперов подбирали реку, через которую они могли навести мост и т. п. Иногда ландшафт приходилось приспособлять к потребностям учений; сложнее всего было рытье траншей и окопов или подготовка артиллерийской позиции; практические демонстрации элементов военного искусства пользовались наибольшим успехом (Vanek, 1929, s. 731). «Одна ударная рота и батарея Куликовского про-

Рис. 4. 7-й Чешский стрелковый полк на празднике святого Вацлава – покровителя Чехии, Иркутск, 28 сентября 1918 г.

Fig. 4. 7th Czech infantry regiment at the feast of St. Wenceslas – the patron saint of the Czech, Irkutsk, September, 28, 1918

демонстрировали на специально подготовленном полигоне с заграждениями из колючей проволоки и окопами учения, целью которых было взятие этой укрепленной полосы. Стремительность и точность в исполнении данной задачи, как и отличная стрельба артиллеристов Куликовского, которые стреляли с расстояния в 4 версты на цели, находящиеся в 30 шагах перед наступающими ударными подразделениями, заслужили высокую оценку, о чем вестовой Франтишека Крейчи сообщил командиру батальона майору Гасеку и всем ударникам, участвовавшим в рискованных маневрах с применением ручных гранат...». Учения проходили в Нижнеудинске 12 сентября 1919 г., задействован был ударный батальон.

Особый восторг у зрителей, военных или гражданских, вызывали смотры кавалерийских частей. Например, у станции Клюквенная «...при звуках музыки прошел 2-й кавалерийский полк во главе со своим командиром полковником Червинкой. Впечатление было великолепное...».

Третьим шагом была подготовка программы, которая в большинстве своем проходила в рамках тренировочных упражнений выбранных соединений; таким образом, программа, намеченная за штабными

столами, спускалась на уровень участвующего в смотре солдата. Четвертым шагом была подготовка местности с учетом присутствия приглашенных гостей и простых зрителей. Центральным пунктом такой подготовки была установка трибуны, на которой должны были стоять или сидеть почетные гости, высший командный состав и приглашенная элита местного общества. Простыми зрителями были не принимавшие участие в смотре легионеры, а также представители местного русского населения. Дневники легионеров передают восторженную атмосферу, охватывающую солдат, их ощущение собственного мастерства, ловкости, гордости, вызванных умением выполнить поставленную задачу; несмотря на это, мы находим также и критические замечания в адрес этих публичных мероприятий. В нескольких случаях солдаты воспользовались такими торжествами для проведения политических демонстраций, направленных против руководства легиона: «Уже первое мая праздновали в [четвертом. – Д.В.] полку весьма оригинальным способом; особенно странно все это казалось русской публике. Часть полка шла под красным знаменем, а часть под красно-белым» (KRATOCHVÍL, 1928, s. 331).

Рис. 5. Парад в Клюквенной
Fig. 5. Parade in Kliukvennaya

Парады и торжества были благодарной темой разных репортажей, печатных или зафиксированных на фотографиях. В связи с этим, в нашем распоряжении находится большой выбор письменных источников и огромная иконографическая их коллекция. Множество фотографий было издано в виде открыток, использовано в пропагандистских целях; не существует ни одной репрезентативной публикации о легионе, в которой бы не было фотографии военных учений, парада или иного торжественного мероприятия. Так, достаточно обильно представлены, например, военные маневры, проходившие в Иркутске осенью 1919 г.

К мероприятиям скорее гражданского плана и более интимного характера относилось празднование Нового года, в большинстве своем соединявшееся с подведением итогов и отчетностью, но всякий раз и с алкогольными возлияниями. Не всегда это сопровождалось буйным весельем; необходимо помнить, что речь идет о 1919–1920 гг., когда легионеры уже очень долго оставались в России и определенный процент их уже отплыл на родину, так что такой праздник сопровождался неизбежной горечью, как, например, Рождество 1919 г. Очень лаконично и с укором в адрес всего мира рождественские праздники 1919 г. комментирует, например, Йозеф Харват: *«Сегодня Сочельник, который мы уже так надеялись отпраздновать дома, в Чехии»* (KRATOCHVÍL, 1928, s. 15).

Чтение

Флагманским кораблем печатной продукции ИОО был, конечно же, «Чехословацки деник» [«Чехословацкая ежедневная газета»]; всего вышло 717 номеров этой газеты (последний вышел 18 июля 1920 г.), имевшей большой тираж, приблизительно 11 тысяч экземпляров; эта газета выходила наиболее регулярно и является до сих пор очень ценным историческим источником. Газета распространялась бесплатно, ее рассылали за счет бюджета Чехословацкого корпуса в отдельные части по всей магистрали и во все гарнизоны. Только за первые шесть месяцев 1919 г. было отпечатано и разослано 3 628 600 экземпляров газеты «Чехословацки деник», что действитель-

но можно считать достижением, достойным признания.

Из других периодических изданий по популярности приближалась к «Ежедневничку», как нежно называли «Чехословацкий деник» солдаты, выходящая на русском языке газета «Телеграммы Чехословацкой ежедневной газеты», в которой перепечатывались некоторые сообщения, специально предназначенные для русского населения. Газету «Чехословацки вояк» [«Чехословацкий солдат»] объединяла с «Ежедневником» фигура главного редактора Войтеха Голечека. Выходили также «Словацке гласы», литературное обозрение «Чехословацке беседы», которыми руководил тогда еще совсем молодой Йозеф Копта, и такие нерегулярные издания, как «Уржедни вестник» [«Официальный вестник»] и «На страж» [«На караул»].

В число наиболее интересных периодических изданий входил «Чехословацки валечны справодай» [«Чехословацкий военный журналист»], иллюстрированная ежемесячная газета, где отдельные фотографии сопровождалась подписями на четырех языках (чешском, русском, французском, английском). Эта газета была интересна уже тем, что всегда выходила с изрядным опозданием и каждый следующий ее номер стоил дороже, чем предыдущий.

Свою историю имел и сатирический журнал «Гоупачки» [«Качели»], создание которого было реакцией на отрицательное отношение некоторых легионеров к официальной газете «Чехословацки деник»; именно эту последнюю они называли «качелями», подчеркивая, что она их «укачивает», т. е. им лжет. ИОО в главе с Йозефом Куделой показал, что действительно обладает здоровым чувством юмора, когда создал печатный орган, и вправду называвшийся «Качели». Воннослужащие корпуса немецкого и венгерского происхождения также имели свои газеты на родных языках; у немцев был двухнедельник «Хаймат», у венгров – «Мадьяр Гонфитарс».

Нельзя не упомянуть и бывшую сначала весьма оживленной издательскую деятельность по производству малотиражных, вручную изготовленных печатных органов, которые создавались небольшими группка-

ми энтузиастов; например, журнал «За свободу», который первоначально издавали только для 1-й роты 1-го полка, но позднее «повысили» на журнал полковой, который составлялся уже с большей мерой профессионализма. В число подобной периодики входили такие печатные органы, как «Тулак» [«Бродяга»] (5-й роты 1-го полка), «Вртуле» [«Винт»] (авиационного отряда), «Колем света» [«Вокруг света»] (5-го полка), «Максим», «Куломет» [«Пулемет»] (пулеметных подразделений) или «Слован» [«Славянин»] (2-го полка), который выходил даже с приложением, представляющим собой учебник французского языка. Количество газет и одноразовых «номеров» в 1919–1920 гг. значительно уменьшилось по сравнению с продукцией 1914–1918 гг., но постоянно существовала группа летописцев, которые работали над официальными хрониками (полковыми и т. п.), над хрониками неформальных объединений и над личными дневниками.

Что касается завятых читателей, то для них ситуация в 1919–1920 гг. улучшилась несравнимо, хотя до идеала было все

еще далеко. Кроме издания периодики ИОО занимался также изданием книг, которые собирал в так называемые книжные фонды: «Библиотека чехословацкого солдата» (на чешском языке), «Библиотека словацких голосов» (на словацком языке) и русская «Чехословацкая библиотека», и, помимо того, отдел пытался регулярно доставать уже изданные книги и включать их в «походные библиотеки», которые перемещались из соединения в соединение. Организованы были также малые библиотечки до 200 томов, которые посылались отдельным полкам, а те могли эти книги обменивать между собой. Часть отчета за 1919 г., посланная ИОО на родину и касающаяся библиотечного фонда (Vanek, 1929, s. 750), показывает довольно малое количество книг – 14 035 (при более чем 50 тысячах потенциальных читателей!), из которых 11 037 составляли фонд передвижных или полковых библиотек. Жалобы обычно касались случайности в подборке книжного фонда, которая была обусловлена его хаотическим созданием «на марше». ИОО в большинстве своем получал книги в каче-

Рис. 6. В теплушке
Fig. 6. In the wagon

стве дара (из Чехословакии, из США), покупал он их лишь в минимальной степени, что способствовало разношерстности фонда. Большая часть книг была, естественно, не на чешском или словацком языках; свое отделение имели легионеры немецкого происхождения. Книги могли одалживать военнослужащие и штатские лица, но они должны были иметь статус чехословацкого гражданина. Библиотекам подчинялись книжные мастерские, где книги не только «ремонтировали» и «чинили», но также их переплетали, поскольку в то время книги обычно выпускались в несброшюрованном виде. В подобных мастерских, однако, недоставало людей, а главное, на них не хватало финансовых средств и материалов.

Набор книг в теплушках менялся мало. Солдаты возили с собой лишь небольшое число книг. Если они у солдат и были, то те обычно дарили их библиотекам. С наибольшей нагрузкой работали библиотеки и книжные абонементы ежедневной печати в больницах, и еще интерес к чтению любых печатных изданий был во Владивостоке, когда легионеры ждали там корабли, на которых должны были возвращаться домой. Основным видом чтения оставались периодика и разные тонкие брошюрки.

Досуг легионеров был также посвящен чтению и писанию писем. Появилась возможность время от времени налаживать контакты с домом, эти контакты становились все более постоянными, письма приходили либо на кораблях из Европы, либо делали большой крюк через Соединенные Штаты. Почти всегда письма приходили с опозданием, тем не менее они служили солдатам единственным истинным источником информации о тех, кого они оставили дома, когда их призвали в армию.

Настроение при получении писем было скорее тоскливым, грустным, меланхолическим. Письма эти напоминали солдатам, что они уже очень давно находятся далеко от дома. И самые банальные новости вызывали слезы. Над долом меланхолии часто сверкали молнии и били громы отчаяния и неудержимого гнева. Солдаты узнавали о смерти своих близких, о переменах и опустошениях, которые принесла война в их жизнь. Родители, друзья, братья и сестры,

жены – никого из них не щадила смерть. *«Не бери в голову, братишка, – утешали брата, у которого после прочтения первых строчек начинали катиться слезы по щекам. – Ты не один такой! Почти на каждой станции есть кто-нибудь, кто о ком-нибудь плачет...»* (VLASÁK, 1934, s. 189).

Узнавали неприятные новости о своем имуществе, но самыми горькими были письма от жен и подруг, которые сообщали своим мужьям и любовникам, о том, что они расходятся с ними, что всему конец, что у них появились новые знакомства, что родились внебрачные дети... Нас, однако, здесь интересует не столько содержание отдельных писем, сколько реакция на них легионеров, а эта тема в источниках почти всегда обходится молчанием. Одним из немногих, кто упомянул эту тему, был Рудольф Власак, который рисует нам ситуацию, возникшую после прихода первой почты с родины. Один легионер оплакивает своего младшего брата, павшего на итальянском фронте, другой иронически изумляется тому, что с его женой происходят чудеса, поскольку она родила сразу двух сыновей через полгода после его ухода на войну. В конце концов Власак оставляет тему прощения, мечты о встрече и говорит о том, что не все легионеры получали письма абсолютно катастрофического характера. Мысли и чувства солдат разъедало также и сокрушение над тем, какой «беспорядок» царит в молодой республике, какие она делает ошибки. В письмах, и не только частных, проскальзывает желание, чтобы легионеры, уж, наконец вернулись назад и навели в республике порядок. «Ждем вас, как спасителей», – писали из дома в письмах и заявлениях. Тем более горькой оказывались порой встречи с реальностью, когда солдат принимали дома не как спасителей, но как чужаков, как незваных пришельцев.

Другие виды досуга

Нельзя обойти стороной спорт, разные спортивные занятия, которые составляли неотъемлемую часть жизни легионеров. Самым любимым видом спорта был футбол, с которым лишь отчасти могли конкурировать другие спортивные игры. Именно

футбол более всего представлял чехословаков во время «международных» матчей во Владивостоке и на магистрали, в которых они играли против команд военных частей союзников; в большинстве случаев речь шла об импровизированной встрече, никакие официальные соревнования, конечно, не проводились. *«Для разнообразия мы увлеченно играем в футбол, но с первой же подачи я нечаянно всаживаю мяч Франте Свободе прямо в глаз. „Гол!“, кричит „Ку-*

лас“ и веселится всюю, когда Франтишек, негодую, начинает меня „благословлять“» (FIBICH, Povstalci III, 1938, s. 262).

Пору упадка переживала сокольская идея. Соколы-энтузиасты либо погибли, либо у них не было больше времени на их любимое занятие, либо оно им просто надоело; последние оставшиеся энтузиасты составляли лишь каплю в море, теряясь в разбухшем легионерском войске. Об отношении солдат к сокольским упражнениям

**Рис. 7, 8. Сокольский день в 6-м чешском стрелковом полку. Омск, 22 июня 1919 г.
Fig. 7, 8. Sokol'sky Day in the 6th Czech infantry regiment. Omsk, June, 22, 1919**

Рис. 9, 10. Сокольская гимнастика с ружьями в честь приезда чехословацкой делегации в Иркутск, 29 августа 1919 г.

Fig. 9, 10. Sokol'sky gymnastics with guns in order to the visit of Czech delegation to Irkutsk, August, 29, 1919

говорит Ян Фаларж: «Наши ребята разучивают „вольные упражнения“ (бр. Поспишил). Вроде бы в июне будет сокольский слет. Из нашего вагона в добровольных упражнениях приняли участие лишь два энтузиаста...» (KREJČOVÁ, 2000, s. 71). Гораздо реже, чем раньше, в воинских частях теперь проводились разные атлетические соревнования и конкурсы, в которых имели место как стандартные дисциплины (бег,

поднятие тяжестей), так и нетрадиционные (например, бег в мешках).

Досуг становился все более и более пассивным, это сказывалось не только на упадке интереса к спорту, но меньше оставалось и любительских музыкальных кружков, театров, затейников. Кажется, что этому процессу способствовало подавленное настроение, царившее во всем Чехословацком корпусе. Все больший размах приобре-

тают азартные игры – особенно карты, а также увлечение алкоголем (все растущее и растущее), поиски проституток, ссоры и споры (гораздо более яростные, чем когда-либо раньше), а то и просто ничегонеделание.

Не перестал существовать и спиритизм, как раз, наоборот, у отдельных невротиков в легионе он завоевал еще большую любовь, чем когда-либо прежде, и эта поглощенность потусторонним миром доходила до того, что кончалась иногда отказом выполнять приказы командиров. Речь шла о том, что некоторые солдаты не только должны были детально продискутировать каждый приказ между собой, но еще и спросить, что по этому поводу думает спиритический столик. Следующее замечание Власака, хотя и значительно гиперболизировано, но если убрать из него иронию, мы увидим самую суть происходящего: *«Ребята все-таки вылезали из теплушек, спрашивая сами себя „Идти или не идти?“ Потом считали тех, кто не вынул рук из карманов и заключали: „На фиг!“ Ничего тут не выгорит! В самом лучшем случае ответы на все вопросы отстукивал спиритический столик – то была последняя инстанция. Вызывали дух султана Мехмеда VII, тот говорил „не надо“ и это было святое...»* (VLASÁK, 1934, s. 91).

Не забывались и карточные игры, их было множество разных видов. Карты, как зеницу ока, хранили еще со времен австрийской армии или они были куплены уже в России, или за дело брался какой-нибудь искусный рисовальщик, который создавал оригинальные карты по собственному вкусу. В большинстве своем карты были захватаны, замусолены, погнуты, поскольку постоянно были в игре. Некоторые азартные игроки-фанатики даже отказывались от сна. Играли как на спички, так и на деньги; иногда и на довольно большие суммы. Определенный процент легионеров настолько стал жертвой азарта, что начал искать удовлетворение своих желаний и в русских заведениях и иногда такой игрок проигрывал все дочиста. Самой любимой карточной игрой был, конечно, «марьяж» во всех своих самых диковинных вариантах, играли также в «очко» или в «двадцать одно», но

не упускали из виду и трактирные игры вроде «булки», «дурака» и «фербла» (FIBICH, Povstaleci III, 1938, s. 72).

Ничто не тянется так бесконечно долго, как скучный вечер в закрытом пространстве теплушки или казармы. Солдаты заполняют время разговорами, руганью, рассказыванием всяких историй, воспоминаниями и ссорами. Невозможно до конца реконструировать темы этих бесконечных разговоров, но о некоторых из них остались свидетельства. Одной из самых частых тем была тема дома – далекая мечта, которую сопровождал и страх. Солдаты вслух размышляли о своих близких, о своем прошлом и будущем, строили большие планы, либо со страхом ожидали тех изменений, которые произвела в их доме война. Разговоры касались и политических тем, а это почти неизбежно приводило к ругани и спорам; говорили об устройстве будущего свободного государства, о мести «австриякам», о «наведении порядка». Переругивались во весь голос, за резким словом не лезли в карман, не случайно многие теплушки или проводимые в них дискуссионные посиделки получили ироническое прозвище «парламент». Там обсуждалась политическая ситуация, но мыли косточки и командирам, особенно нелюбимым соратникам по оружию, и анализировали военные действия. *«Говорили о земельной реформе [имеется в виду реформа, которая тогда проходила в ЧСР. – Д.В.], о деле, которое и при всех своих недостатках, означало большой шаг вперед; это было действительно большое дело. „Оппозиционер“ Свитак сумел его раскритиковать: „Мошенничество! Обман! Лапша на уши! Обглоданная кость, которую бросили собакам, чтобы те из-за нее грызлись, оставили хозяина в покое и „не причиняли неудобства“ зверью“»* (VLASÁK, 1934, s. 186).

Преимущество имели те теплушки, в центре которых находился талантливый рассказчик, который умел целыми часами занимать внимание «местного населения». Действительно произошедшие или вымышленные истории касались не только доменной жизни, у некоторых весьма авантюрной, но, скажем, и службы в Чешской дружине, в сербской дивизии, а самой люби-

Рис. 11. Украшенная теплушка 6-го чешского полка
Fig. 11. Decorated wagon of the 6th Czech infantry regiment

мой была тема сражения у Зборова. Как кажется, важную роль играли мифы, легенды и особенно сказки, знания которых от потрепанных жизнью, в большинстве своем вульгарных и нередко очень грубых добровольцев мало кто мог ожидать: «...иной раз брат рассказывает народную сказку – и стар и млад внимательно его слушают. А когда сказка кончается, ну, смеху, ну, шуток!» С другой стороны, в этом не было ничего удивительного, ведь сказки и сказочные мотивы часто использовались в театральных спектаклях, в представлениях кабаре – уж не говоря о театрах кукольных. Долгими вечерами в теплушках и на вокзалах солдаты обсуждали практически абсолютно все, что составляло их жизнь: семью, жену, спорт, небесные тела, оружие... Высказывание вслух своих взглядов, мечтаний и страхов сближало их между собой и укрепляло и так уже достаточно сильное взаимное расположение.

Практически в чисто мужском обществе нельзя не столкнуться с грубыми, подчас и жестокими шутками. Таким «солдатским юмором» сокращали бесконечно тянущееся время и легионеры; Карел Фибих вспоми-

нает взрывоопасные сигареты: «Вокец высыпал из нескольких патронов порох, который по горсточкам завернул в бумажные трубочки и всунул в верхнюю часть папиросных гильз так на одну треть длины. Эта приманка раскладывается на столике и Чермак зовет всю роту „на затяжечку“... Первым взрывается Гейдук...» (FIBICH, Povstalci IV, 1938, s. 200).

Сибирь прямо-таки манила заняться охотой. На диких животных солдаты охотились не только ради улучшения меню, но также и из-за меха, да и просто удовольствия ради, ведь немало легионеров и до войны были заядлыми охотниками. Излюбленной целью были птицы, зайцы, олени, кабаны; не боялись солдаты и хищников, охотились даже на медведей и волков, не говоря уже о лисицах (VLASÁK, 1934, s. 144). К любимым видам отдыха относилась и рыбалка. С течением времени такие индивидуальные охотничьи экспедиции в тайгу становились все более опасными, поскольку банды повстанцев стягивались все ближе к железной дороге и их излюбленной добычей становились как раз такие одиночки, не только охотники, но и грибки, на

Рис. 12. Чехи играют в боулинг у казарм 28-го Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1919 г.

Fig. 12. The Czechs play bowling at the barracks of the 28th Siberian infantry regiment. Irkutsk, 1919

которых они нападали из засады и которых убивали.

С приездом в Россию американцев (не только солдат, но и сотрудников ИМКА⁷) расширилась программа русских кинотеатров. Некоторые кинематографы завели даже сами американцы; речь не шла о постоянных залах, но о передвижных киноустановках, которые могли быть доставлены куда угодно. Что было в программе? «Показывали заурядные американские вестерны, действие которых происходило в прериях, где шла пальба по индейцам, все эти погони с лассо и накидыванием удавки на шею попавшимся. Франта громко протестует: „Это же халтура, сплошное надувательство, столько выпущенных патронов и так мало убитых!“» (FIBICH, *Povstalec IV*, 1938, s. 23). Киножанры дополнялись, конечно, еще комедиями и романтическими фильмами, все это было на очень низком художественном уровне; однако важно было то, что солдаты хотя бы на минутку могли забыть о своей ситуации.

Некоторые из них вообще впервые увидели кино в России; Винценц Червинка говорит о том, что кино показывали даже в железнодорожном вагоне (ČERVINKA, 1920, s. 308).

Нельзя не упомянуть и о распространности и жадном впитывании самых разных слухов и «параш»; снова появляется целый ряд мифов, которые с каждым критическим моментом обрастают новыми подробностями. Слухи носили позитивный характер, – скажем, о том, что уже близится день отъезда из России, что во Владивостоке уже готовы корабли, – но также и характер негативный, – говорили о подорванных поездах, о сотнях погибших, о необходимости снова открыть фронт против большевиков, об измене собственного руководства и даже о предательстве со стороны Антанты и чехословацкого правительства. «Тот, кто хотел себя растравливать в любых обстоятельствах, занимался этим и по вечерам во время дискуссий. Критиковал, иронизировал, высмеивал – абсолютно всё, включая и законы, о значении которых для народа такой паренек не мог иметь и не

⁷ Young Men's Christian Association.

имел ни малейшего представления. Ну и так же набрасывались на всякие негативные явления, о которых упоминали газеты, и размазывали их до бесконечности...» (VLASÁK, 1934, s. 185). Карел Фибих считает, что создание и распространение слухов было прямо-таки одним из видов проведения досуга: «Некоторые из этого производства слухов сделали для себя особый вид спорта, занимаясь которым, убивали время; так, „достоверную“ новость, пущенную в оборот на одном конце военного лагеря, тут же торопились передать на другой его конец, чтобы опровергнуть другую, прямо ей противоречащую „достоверную новость“» (ŠERVINKA, 1920, s. 29).

В свою очередь, Просветительский отдел устраивал целый ряд лекций образовательного и просветительского характера на самые разные темы. Качество и содержание отдельных докладов весьма отличались друг от друга, равным образом, как и места, где они проводились. Обычным местом проведения лекции был театральный зал, комната для собраний, но также и пространство под чистым небом. Темы просветительских, образовательных и учебных лекций касались особенностей внутренней политики России, международного положения, военных дел, но иногда и таких отраслей знания, как история, право, финансовая наука. Лекторы вербовались из специалистов – ученых, учителей средних школ и гимназий, но качество этих лекций, судя по оставленным воспоминаниям, было очень неравным. О том, кто и как проверял уровень знаний самих лекторов (если это вообще делалось), нет никаких сообщений.

Солдаты изучали также иностранные языки; русский язык был уже достаточно знакомым, часто учили английский и постоянно – французский; в легионерский жаргон проникло и несколько японских слов, например, таких как *коницева* (добрый день) или *мусимэ* (барышня).

У легионеров было множество домашних животных, чаще всего это были собаки всех возможных пород, расцветок и моделей поведения. Солдаты испытывали к бродячим собакам особую симпатию, скорей всего, сравнивали их судьбу со своей соб-

ственной и относились к ним, в большинстве случаев, с большой нежностью. Можно с уверенностью сказать, что самой любимой и самой распространенной породой собак была так называемая «уличная помесь», в Сибири особая «вокзальная помесь», т. е. та порода, которую в разговорном чешском языке называют «дворнягой». Дружья-собаки завоевали бессмертие, став героями легионерской литературы; невозможно забыть «Жука» из «Третьей роты» Копты, но самой известной легионерской собакой стал «Раф», герой романа Лангера «Пёс 2-й роты». К домашним животным относилась также целая плеяда разнообразных птишек, – особенно певчих, живших в своих клетках, подвешенных под потолком теплушек и веселящих их обитателей или отравляющих им жизнь.

Типичным легионерским «любимцем теплушек» стал медведь; он является символом пребывания Чехословацкого корпуса в Сибири. Многие легионеры мечтали привезти своего мохнатого друга на родину, некоторым это даже удалось, потом их преподносили в качестве дара президенту республики (VOLF, 2000, s. 13–17). С этими домашними любимцами было больше всего проблем; медведи-малыши были еще трогательны, но по мере взросления, медведю требовалось все больше еды, которой не всегда хватало. О медведях и о разных их фортелях вспоминает множество легионеров: «...в команде полковой музыки приключилось несчастье; повесился конёк, который возил полковой барабан; привязали его к дереву, а он сунул голову в двойную петлю и утром его нашли уже дохлого. Взамен коня выдрессировали медведя, который потом гордо переваливался, таская за собой турецкий барабан. Дрессированных медведей в Чехословацком корпусе было немало»⁸. О самом экзотическом домашнем животном рассказывает Йозеф Копта; речь у него идет о прирученной лани! (КОПТА, 1931, s. 237).

Животные были собственностью отдельных солдат, но часто также имущест-

⁸ Воспоминания Йозефа Хухела, см. в: STIBOROVÁ, 2000, s. 83. Memories of Joseph Huhel, see in: STIBOROVÁ, 2000, p. 83.

Рис. 13. Медведи в неволе
Fig. 13. Bears in captivity

вом, талисманом и одновременно проблемой целой теплушки или воинского соединения. Необходимо подчеркнуть, что большинство из этих солдатских любимцев должно было остаться в России. Любовное отношение к животным было вызвано тоской по взаимности, потребностью о ком-нибудь заботиться, иметь друга, самого близкого товарища. Иногда, правда, все это было только капризом, ошибкой, животное быстро надоедало, и его бросали на произвол судьбы. В общем отношение легионеров к домашним любимцам не очень отличалось от того, которое преобладает у нас и до сего дня.

Одним из самых распространенных видов досуга являлся, несомненно, поиск сексуальных приключений; к самым экзотическим из них относились посещения имевших дурную репутацию публичных домов, включая и визиты к японским гейшам во Владивостоке. Некоторые искатели приключений буквально все свое свободное время посвящали таким визитам (FIBICH, 1938, s. 199).

Досуг на море

Говоря о досуге легионеров, нельзя забыть о тех его особенностях, которые принесла дорога на родину морем. Из Владивостока в Чехословакию отплыло на различных судах всего 72 644 человека, из этого числа 3 004 офицера, 53 455 унтер-офицеров и рядовых, 4 914 инвалидов, 1 726 женщин и 717 детей (PICHlíK, 1996, s. 251; VÁCHA, 2006, s. 151–162). Обычный путь вокруг Индии продолжался 45–60 суток. Естественно, что море и его красоты очень скоро наскучили, надо было чем-то занять легионеров. Начальник эвакуационного отдела доктор Рудольф Рахе в своей брошюрке, изданной еще в России, особо подчеркивал опасность этой скуки. Со скукой боролись с помощью разных работ, например, уборкой: «Развлечением нам на корабле служило ежеутреннее умывание [sic!], потом мы драили трапы, полы в каютах, целиком всю палубу, все поливали, ну, в общем, все должно было быть чистым» (JURMAN, 1990, s. 67). Тренировались и на случай катастрофы: «На палубе проходили упражнения, все были разбиты на группы, звенья, каждое получило своего командира. В том случае, если бы судно

начало тонуть, каждый должен был занять свое место и этого командира слушаться беспрекословно». И все же со скукой невозможно было справиться: «Большинство братьев самой важной работой считало по несколько раз в день заняться едой, а кроме этого не делают ничего. Или качаются на палубе в плетеных гамаках и рассказывают друг другу истории, которые уже все давно знают, или собираются в корабельном баре, где англичане пьют брэнди и виски, а наши портят себе желудок плохим пивом или споласкивают его лимонадом. Другие, а их гораздо меньше, посвящают часть дня немного более полезному делу – либо фотографируют, либо читают, а еще на пальцах одной руки вы бы сосчитали тех, кто чему-нибудь учиться, разложив книги» (VONDRÁČEK, F., *Husité*, s. 154).

Как и в России, продолжались серии разных лекций, очень часто на актуальные темы, например, о маршруте судна, о разных достопримечательностях на пути и т. д. Лекции читались буквально обо всем, о проблемах здоровья, по чешской или мировой истории, физике, химии, географии, финансовому делу или медицине. «Вечером лекции: на носу инженер Немец – о радио, на корме капитан Матейка – о деньгах»⁹.

Больше всего любили устраивать кабаретные представления, состоящие из музыкальных и комических номеров. Йозеф Харват вспоминает, как на корабле показывали кино; к сожалению, нам уже не узнать, какой фильм тогда показывали, но мы знаем, что представления начинались не раньше девяти часов вечера; их часто устраивали члены организации ИМКА¹⁰; так Адольф Земан конкретно по имени упоминает активного и всеми любимого мистера Кларка, который входил в эту организацию.

⁹ Запись от 7 января 1920 г.; личный дневник Яна Чижковского (STIBOROVÁ, 2000, s. 83). Record at January, 7, 1920; personal diary of Ian Chizhkovsky (STIBOROVÁ, 2000, p. 83).

¹⁰ Сведениями о членах этой христианской организации мы располагаем относительно лишь тех кораблей, которые плыли под флагом Соединенных Штатов.

Information about the members of this Christian organization we have regarding only about those ships that sailed under the flag of the United States.

Не забывали и о музыке, инструментальном или вокальном исполнении (ZEMAN, 1920, s. 71, 143; CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 53). Свое место занимала при этом и современная техника, т. е. граммофоны.

Кроме этого, солдаты были вынуждены изобретать и другие виды деятельности, какие только приходили им в голову: больше всего занимались чтением, писали дневники, загорали, играли в разные игры (включая шахматы и карты), фотографировали, учили иностранные языки, рисовали и дискутировали обо всем на свете. «Вывешены вырезки из англоязычных сингапурских газет: большевики повсюду наступают, Колчак совершенно разбит и как военный авторитет сегодня уже не имеет никакого значения»¹¹. Адольф Земан вспоминает классическую игру в парках аттракционов – набрасывание колец на колышек, которой азартно предавались на палубе корабля «Президент Грант» (ZEMAN, 1920, s. 143).

Солдаты могли забавляться с различными зверюшками на палубе, о чем нам говорят как фотоматериалы, так и воспоминания легионеров. Хотя обычно содержание животных на корабле не разрешалось, но делались исключения, особенно для полковых, батальонных или ротных любимчиков, которые служили талисманами, или для медведей, которых везли в подарок Томашу Гарригу Масарику. Наверное, самыми занимательными зверюшками были обезьянки, которых получили воспитанники легионерской школы несовершеннолетних.

Весьма оригинальное повествование, касающееся собак, мы находим в дневнике одного весьма своеобразного солдата, Ярослава Прудила; он пишет о том, что большинство собак они перед посадкой на корабль съели (или, как это передано его характерным стилем, „скушанькали“), только над одной сжалились и оставили ее вживых: да только она прыгнула за борт и плыла по морю, пока не утонула (JURMAN, 1990, s. 66). Вацлав Валента-Альфа вспо-

¹¹ Запись от 16 января 1920; личный дневник Яна Чижковского (STIBOROVÁ, 2000, s. 74). Record at January, 7, 1920; personal diary of Ian Chizhkovsky (STIBOROVÁ, 2000, p. 74).

Рис. 14. Погрузка 7-го чешского стрелкового полка на борт транспорта «Иксион» во Владивостоке, май 1920 г.

Fig. 14. Loading of the 7th Czech infantry regiment aboard transport “Ixion” in Vladivostok, May, 1920

минает, что его несовершеннолетние воспитанники получили в Сингапуре в подарок трех маленьких обезьянок (впоследствии погибших из-за перемен климата), которым корабельный портной даже сшил миниатюрные униформы (VALENTA – ALFA, 1924). В портах солдаты могли себе купить также разных экзотических птиц или китайских дворцовых собачек. Продолжалась и традиция издания любительских журналов, названия которых говорят о месте их выпуска: «На воде», «Вокруг света», «Наша Маринка»¹², «Морской отряд» и многие другие.

Но, наверное, самым интересным и, конечно, самым желанным отдыхом от бесконечного плавания были остановки в портах, где корабли набирали воду, продукты и уголь. Для легионеров это был шанс сойти

на твердую землю (VONDRÁČEK, 1922, s. 133). Каким бы путь вокруг света уже не был сам по себе напряженным и интересным, в дошедших к нам свидетельствах наиболее рельефно выступают такие портовые города, как Сингапур, Шанхай и Коломбо, которые произвели на добровольцев (тех, конечно, которым посчастливилось получить увольнение на сушу) огромное впечатление. После таких больших русских городов, как Киев, Москва, Петроград, Иркутск, Омск и Владивосток, перед легионерами явились города совсем иного типа; кроме уже упомянутых, еще Джибути, Порт Саид, Триест, Гонолулу, Ванкувер и многие другие.

Уже само прибытие в эти порты было приключением, ибо, хотя во Владивостоке и стояли в то время на якоре десятки судов всех видов и под всеми флагами, но, по сравнению с первоклассным сингапурским рейдом, владивостокский порт выглядел как бедный родственник. Когда перед глазами изумленных добровольцев появились леса труб, мачт, кранов и сотни кораблей,

¹² Журнал «Наша Маринка» издавался солдатами на корабле «Ливерпуль Мару»; в названии журнала обыгрывалась вторая часть названия корабля. Magazine “Our Marinka” was published by soldiers on the ship “Liverpool Mari; the second part of the name of magazine is joke-like played.

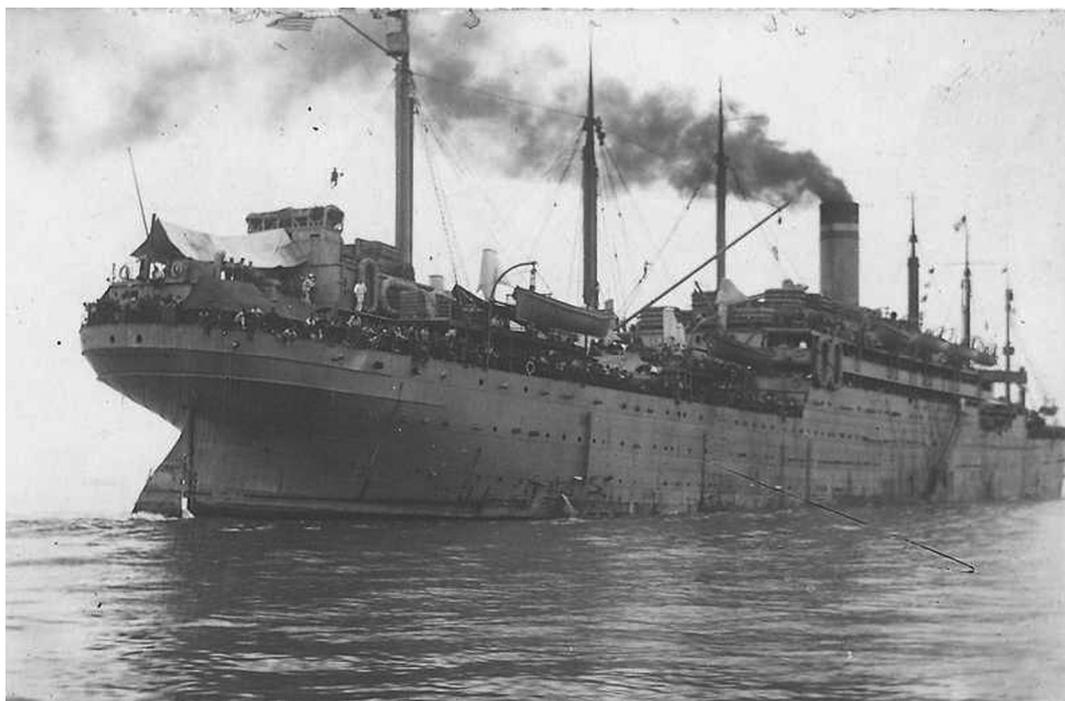

Рис. 15. Транспорт «Президент Грант», убывший из Владивостока с чехословацким командованием 27 апреля 1920 г.

Fig. 15. Transport "President Grant" leaving Vladivostok with Czechoslovakian command in April, 27, 1920

все это привлекло внимание и самых равнодушных. Из воспоминаний очевидцев веет на нас духом уже несуществующих колониальных владений. «В 8 часов мы бросили якорь перед входом в сингапурский порт в ожидании лоцмана, который должен был провести нас на рейд между опасными отмелями. Панорама Сингапура в сиянии только что поднявшегося солнца захватывает... Сам город представляет собой английскую морскую крепость, о чем говорят грозно торчащие со всех сторон стволы огромных орудий... Как только корабль встал на якорь, появились маленькие лодочки местных малайцев, которые ловко ныряли в воду за серебряной монетой и с ней тут же выныривали на поверхность (они ловят ее еще до того, как она опускается на дно). Продавцы раковин (великолепных экземпляров) и фруктов самых разных видов прямо из лодок предлагают свой товар... На причале сразу забурлила жизнь. Прибежали продавцы фруктов, открыток, галантереи, ныряльщики с раковинами...» (STIBOROVÁ, 2000, s. 73). Каждое судно немедленно становилось целью сосредоточенного набега торговцев, фокусников и

нищих, которые надеялись на легкий заработок.

Хотя солдаты и привыкли к шуму больших городов и к экзотике, ведь большинство из них побывало в Харбине, «триедином» городе, одна из частей которого представляла собой «самый чистый Китай в России», но мало кто из них бывал в таком тропическом городском муравейнике Юго-Восточной Азии. Когда портовые власти и собственное начальство позволяли солдатам отправиться в город, немногие оставались на палубе. Прогулка по твердой земле манила практически всех, от простых солдат до командиров, которые к тому же бывали приглашены на различные приемы, знакомились с представителями местной элиты и фигурировали в новостях на страницах различных региональных газет. «Жарища страшная, больше сорока градусов. И в густой тени могучих деревьев мы потеем, как взмыленные кони. Снова весьма дружелюбный и сердечный прием у представителей французских и английских высших кругов, приветствия, провозглашения славы и полная телега радости. Длинные столы с чистыми скатертями, симпатичные дамочки, стройные девчата с

милыми мордашками, пирамиды нарезанной колбасы, хлеба, фрукты и напитки – в общем достопримечательность природы, какую очень редко встретишь в военной жизни...» (FIBICH, *Povstalci V*, 1938, s. 60).

Иногда напротив, осторожные портовые чиновники ставили на надеждах солдат крест, поскольку разрешали сойти на берег лишь ограниченному числу путешественников (офицеры, конечно, имели предпочтительное право) или не разрешали никому; причиной такого поведения была плохая информированность и страх большевистской заразы. Иногда отдельных солдат лишали увольнительной за их грехи и провинности в отношении устава или правил поведения на судне; к таким провинностям относились: недисциплинированность, неисполнение приказа, пьянство и т. п.

Но когда увольнение разрешалось, солдаты пользовались им до последней минуты. *«Выход в город (Сингапур) разрешен всем. И вот уже портовые улицы да и все ближайшие полны чехословаками, которые все с любопытством осматривают»* (STIBOROVÁ, 2000, s. 73). Все отлично знали, что в эти места уже никогда в будущем не попадут. По записям в дневниках мы видим, что солдат в портах интересуют те же вещи, которые ценились ими уже и в русских городах. На первом месте была снова архитектура, внимание привлекали различные памятники (например, буддийские храмы), планировка улиц. С неменьшим интересом солдаты смотрели на представителей местного населения, особо оценивали их социальное положение и социальные роли ((CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 56). Запись от 3 мая 1920 г., Гонконг). Вообще анализ условий жизни и социальных позиций в разных контекстах характерен для легионеров и во время их пребывания в России, и во время путешествия вокруг света по дороге домой.

Солдаты посещали рестораны и выносили им оценки. Хватало времени и на другие увлечения, кроме еды; Йозеф Харват посетил в Гонконге известный местный ботанический сад; легионеры изучали интерьеры храмов, ходили в музеи и осматривали иные достопримечательности. О «социологических», даже этнографических исследо-

ваниях говорят и заметки о необычных похоронных ритуалах, свидетелями которых были чехословаки (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 55). Все вышеприведенные факты подтверждает сохранившийся фотоматериал, который сосредотачивает внимание именно на таких элементах портовых городов; некоторые фотографии схватывают и мельчайшие детали местной жизни; при исследовании всего этого материала мы можем опираться и на привезенные легионерами открытки.

Особым вниманием (в Шанхае, Гонконге и Сингапуре) пользовались рикши, чья невеселая жизнь вызывала у социально «сопереживающих» легионеров размышления об азиатской нищете (STIBOROVÁ, 2000, s. 74). Солдаты сочувствовали бедности еще и потому, что они и сами из-за низкого курса рубля и вообще малого жалования не могли позволить себе особенно сорить деньгами, хотя рынки и магазины со всех сторон предлагали горы экзотически заманчивых товаров. *«Мы, „сибирские ребята“, мы вообще были на дне с этим паршивым жалованьем. Как известно, зарплату нам считали во франках, а выплачивали в сибирских рублях. Через сколько эта сумма проходила каждый раз трансформаций и подсчетов, умножений и делений, пока мы наконец получали эту кучку бумаги, за которую в общем ничего нельзя было купить, об этом знают только милый Господь Бог и наш кассир...»* (ZEMAN, 1920, s. 112).

Чехословацкую армию всегда обгонял слух о ней, каким бы он ни был искаженным; так было и на пути домой. В то время как некоторые более поздние транспорты сталкивались с довольно оправданным слухом об их «большевизировании», первые транспорты встречал любезный прием местных жителей, которые одаривали своим вниманием геройские соединения славных чехословаков. Местные политические и торговые круги устраивали в их честь вечера и банкеты. Благодарные легионеры отвечали на это хоровыми представлениями (VONDRÁČEK, 1922, s. 146) или инструментальными концертами (FIBICH, *Povstalci V*, 1938, s. 17). Чехословаков представляли не только музыканты, пока-

HLAVNÍ POZEMNÍ I MOŘSKÉ CESTY ČS. LEGIÍ NA POUTI KOLEM SVĚTA.

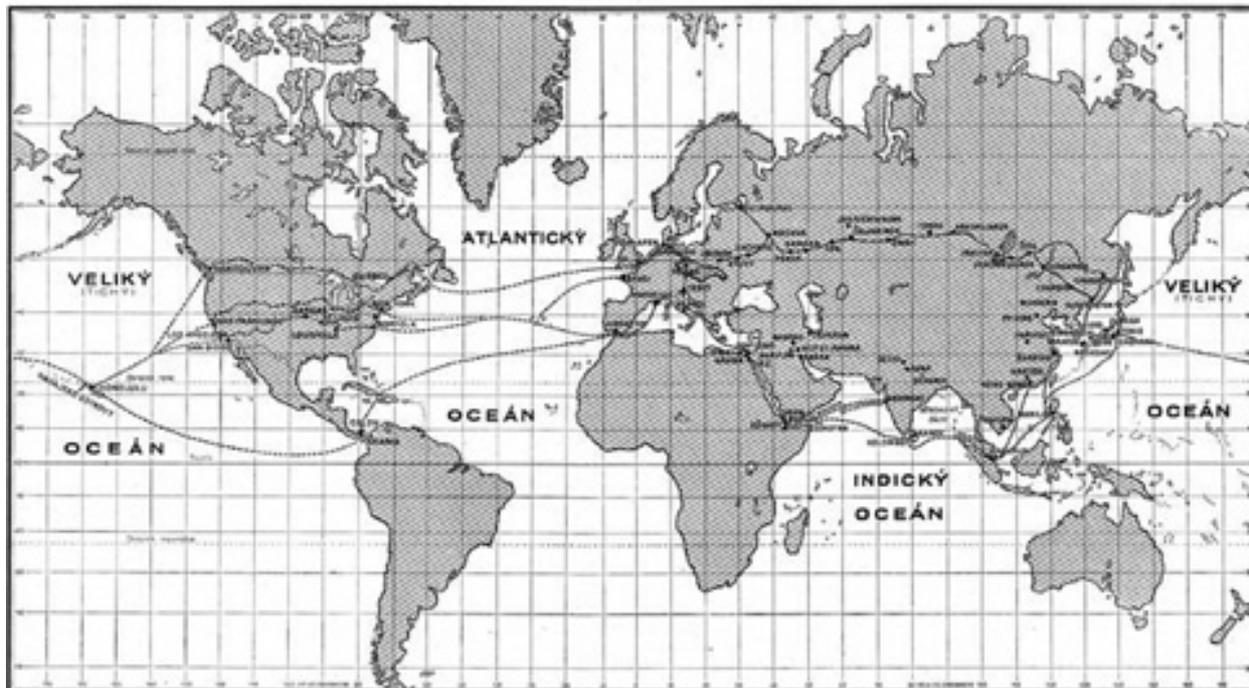

Рис. 16. Маршруты возвращения чехословацких войск на Родину
Fig. 16. Routes of Czechoslovak troops return home

Рис. 17. Чехи в Гонконге
Fig. 17. Czechs in Hong-Kong

зять себя старались и спортсмены, прежде всего, футболисты, которым удавалось поражать и хорошо организованные местные команды: «В этот день, первого мая, происходила встреча нашего [5-го. – Д.В.] и 4-го полка с футбольными командами города, английской и китайской. Англичане хо-

рошо получили от ребят из четвертого, а китайцы, несмотря на мастерство игры и многолетнее держание первого места, от наших из пятого, так что день окончился весельем». Запись от 3 мая 1920 г. (Гонконг) (CÍSAŘOVSKÁ, 2001, s. 56). А тем самым продолжалась просветительская

«кампания», корни которой уходили во времена еще до возникновения Чешской дружины и которая бесконечным своим повествованием сопровождала «русский легион» в течение всего периода его существования.

«После каждого номера следуют неутрачивающие овации. Естественно, при таком „промазывании“ горлышек только и петь. Первую часть концерта составляет серьезная музыка. „Соловьиное пение по сравнению с нашим – отброс“, довольно заявляет Чехура, и Гонза дает баса после пятого пива как храмовый орган. После обслуживания торопливыми официантами настроение еще более повышается, мы поем веселые хоровые песни и, наконец, „в унисон“ наши любимые воинские застольные. Хозяин пивной (в Шанхае), прибывший с французскими гостями, вне себя от восторга, бегают вокруг нас и радуется» (FIBICH, *Revstalcí V*, 1938, s. 50). Все певцы в стельку «надрались» и на обратном пути на судно пороняли в воду свои совершенно новые тропические шляпы, которые им помогли выловить из моря китайцы уже на следующий день.

Адольф Земан оставил нам сообщение о большом чехословацком празднике в Колombo, на котором присутствовал также американский экипаж с «легионерского» корабля «Президент Грант». Устроители праздника замыслили его в спортивном стиле; начали «показательным» бейсбольным матчем между командами, составленными из американских моряков, продолжили легкоатлетическими соревнованиями – метанием копья, ядра и диска, бегом (на 100 ярдов), прыжками в высоту и в длину. Апогеем спортивного дня стал матч между английскими футболистами и командой 6-го чехословацкого полка, который выиграли англичане, и хотя Адольф Земан и жаловался, что судья им подыгрывал, матч закончился «обычным шумом и гвалтом, знакомым нам и по нашим стадионам». После футбола пришла очередь соколов и все закончилось не слишком долгим «концертом» легионерского хора. Похвалу заслужил также оркестр 6-го полка (под руководством Вилема Вахманна – Восковца), который, видимо, играл почти целый день (ZEMAN, 1920, s. 195–196).

Хотя чехословацкие легионеры и не оставили о себе в этих местах такой глубокий след, как в России, но все же на краткое время к сердцам и мыслям некоторого числа людей из местных они приросли. «К нашему удивлению малайцы, негритята в *Джибути и торговцы в Порт-Саиде* знали, что мы „чехословаки“, и кроме чешского счета выучили еще и несколько других чешских слов» (LANGER, 1920, s. 80).

Мечтающие о холодке легионеры не могли, конечно, не опробовать море, при каждом удобном случае сбрасывали с себя форму и прыгали в волны морей и океанов. Купание и плавание не только освежало, но помогало и потренировать мускулы, значительно ослабевшие во время постоянного пребывания на корабле. О том, что купание не всегда было совершенно безопасным видом проведения досуга, рассказывает следующий случай. 5 декабря 1919 г. в Сингапуре один из солдат был растерзан акулами, как об этом свидетельствует дневник добровольца Карела Новотны из 6-го Ганацкого полка. Об этом случае рассказывает и другой источник, дневник Богуслава Боучека; врача, который, по стечению обстоятельств, плыл на том же корабле, что и легионеры Карел Новотны и Ян Фаларж; это был «Итали-Мару», который вышел из Владивостока 22 ноября 1919 г. и прибыл в Триест 6 января 1920 г.

Но каждый визит когда-нибудь да кончается и суда с легионерами снова выходили в открытое море. Добровольцы сидели в своих тесных помещениях, болтали, размышляли, снова читали, играли в карты или в какие-нибудь иные игры, а в сердца им вращалась не поддающаяся выкорчевыванию память об уходящей в прошлое Руси. Мы легко можем обнаружить это, почти родственное, отношение, когда читаем упоминания о газетных новостях, более всего занимающих добровольцев, – одни были об уже свободной родине, другие – о все еще страдающей России.

Вполне возможно, что в головах у них все еще крутилось сумасшедшее кино нескольких последних лет. Умирующие, раненые, победы, поражения, любовь и ненависть. В то время как над водой скакали играющие дельфины, у добровольцев, воз-

можно, снова мерзли щеки в карауле; и глаза их видели не морскую гладь, но степную ширь. Тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием корабельных шпангоутов, где-то вдали скрывала грохот эшелонов; отдаленные раскаты были звуками шторма или артиллерийской канонадой? В записях ностальгия перемешивается со страхом перед тем, что их ждет в будущем. Странники возвращаются домой.

После долгих лет отсутствия чехословацкие легионеры вернулись на родину как искушенные путешественники; во время бесконечных странствий по России, да, собственно, и по всему свету, они набрались огромного и самого разнообразного опыта. Данное исследование, к сожалению, не позволяет нам выяснить, насколько продолжали добровольцы свой «легионерский» опыт досуга также и в домашних условиях. Пока мы еще не знаем, насколько им не хватало экзотических забав (купания в море, посещения гейш и т. п.) или насколько проблематично проходило их привыкание к образцам поведения в свободное от работы время, свойственным для средневропейского пространства в эпоху мира (как то: посещение ресторанов, массовых спортивных игр и т. п.).

Приложение

Биографические справки

Блеха Олдржих (Oldřich Blecha, 1892–1951); в июне 1916 перешел к русским. В Петропавловске участвовал в создании местного театра военнопленных, позднее им руководил. С лета 1918 г. ведет оркестр сопровождения легионерского театра (в сотрудничестве с Й. Йеничком и З. Штепанеком) и симфонический оркестр легиона. После войны преподает музыку, работает в области музыкальной публицистики, а после выхода на пенсию становится организмом.

Голечек Войтех (Vojtěch Holeček, 08.11.1891, Praha – 13.06.1969, Praha). Воевал на русском фронте, осенью 1915 г. попал в плен. С марта 1917 г. – член Клуба сотрудников-военнопленных, летом 1917 г. – член агитационной комиссии Филиала ЧСНР в России, с ноября 1917 г. – редактор газеты «Ческословенски Деник», с января

1919 г. – главный редактор этой газеты и начальник отделения информации Просветительского отдела. После возвращения в ЧСР работал в Музее сопротивления [Památník odboje], в 1917–1933 гг. редактор, в 1933–1940 гг. – главный редактор газеты «Народни листы», за участие в антинацистском сопротивлении в 1940–1945 гг. находился в заключении.

Жанен Морис Шарль Тьебо Пьер (Maurice Charles Thiebaut Pierre Janin, 19.10.1862, Париж – 28.04.1946, Сен-Себастьян). С августа 1914 г. командир полка, затем бригады, отличился в битвах на Марне и под Ипром, в апреле 1916 г. возглавил французскую военную миссию в России, летом 1916 г. сотрудничал с М.Р. Штефанником, который должен был доставить военнопленных чехословаков на французский фронт. В августе 1917 г. вернулся во Францию; получил приказ сформировать чехословацкие, сербские и польские воинские части. С декабря 1917 г. командовал чехословацкими частями во Франции, с апреля 1918 г. – всеми чехословацкими войсками; 15.08.1918 г. был назначен командиром чехословацкого легиона в России, с октября 1918 г. стал верховным главнокомандующим союзных войск в Сибири. Здесь занимался координацией военных операций, руководил эвакуацией чехословацкого легиона на родину, заключил договор с советским командованием, которому передал золотой запас и выдал адмирала Колчака [Колчак был выдан иркутским городским властям, так называемому Политцентру, в котором ведущую роль играли эсеры; уже Политцентр выдал Колчака большевикам. – Прим. пер.], за что подвергся критике со стороны политиков Антанты и был отстранен от командования чехословацкими войсками; после 1920 г. занимал различные командные должности во французской армии. Имя Жанена было 09.10.1917 г. присвоено 6-му пехотному Ганацкому полку.

Йеничек Йозеф (Josef Jeníček, 22.11.1887 – 12.05.1956). Актерскую карьеру начинал в бродячих деревенских театрах. В 1915 г. был призван на войну, после вступления в чехословацкий легион в 1919–1920 гг. работал в легионерском театре в

России. Муж известной певицы Национального театра Ады Норденовой. После войны в 1920–1922 г. работал в театре в Остраве, затем в 1922–1925 гг. в Пльзене, а с сезона 1926–1927 гг. в составе драматической труппы Национального театра, где оставался до 1 июля 1933 г. В отличие от прошлых лет, в Национальном театре он был занят в более скромных ролях. Будучи неудовлетворен своей творческой реализацией, он окончательно оставил театральную сцену в 1933 г. Наиболее известными ролями, созданными им в Национальном театре, были: Господин Сесиль Грэхэм (Уайльд, «Веер леди Уиндермир», 1927), Философ (братья Чапеки, «Адам-Творец», 1927), Шавличка (Тыл, «Волынщик из Стракониц», 1930) и т. д.

Карел Рудольф (Rudolf Karel, 09.11.1880, Пльзень – 06.03.1945, Терезин). Учился в гимназии в Пльзене, среднюю школу окончил в Праге, где поступил на юридический факультет Карлова университета. В то же время учился в консерватории; среди его учителей были К. Книттл и К. Штекер; Рудольф Карел был последним студентом Антонина Дворжака. Работал учителем музыки в Праге. Перед самой войной Рудольф Карел вместе с женой во время отпуска поехал в Россию на лечение. Когда началась война, он попал в России в разряд врагов и после многих перипетий, зарабатывая на хлеб в основном в качестве учителя игры на рояле, он оказался, аж, в Иркутске. Здесь он работал в органах культуры у большевиков до того момента, когда Иркутск был захвачен легионерами. Тогда он вступил в легион. В Иркутске разошелся с женой. По возвращении в Чехословакию Рудольф Карел еще некоторое время оставался в армии и одновременно как внештатный (с 1927 г. штатный) профессор преподавал в консерватории. Автор симфонической поэмы «Демон», а также «Весенней симфонии» и многих других произведений, в том числе, опер «Смерть крестного отца» (премьера в 1933 г.) и «Сердце Ильзы». Сочинял также квартеты для струнных инструментов, а последнее свое произведение «Нонет» написал перед самой смертью в концлагере Терезин в марте 1945 г.

Копта Йозеф (Josef Kopta, 16.06.1894, Либоховице-на-Орлице – 03.04.1962, Прага). Воевал на русском фронте, в мае 1915 г. попал в плен, с февраля 1916 г. – военнотружущий стрелкового Магистра Яна Гуса полка. Окончил офицерские курсы в Борисполе, с мая 1917 г. – редактор журнала «Чехословак», в марте 1918 г. назначен уполномоченным Отделения ЧСНР в России, отвечающим за печать и информацию. В августе 1918 г. возглавил редакцию журнала «Ческословенски Деник», потом стал секретарем Информационно-просветительского отдела. После возвращения в ЧСР, в 1920–1925 гг. работал секретарем Памятника сопротивления, в 1924–1930 гг. был редактором газеты «Народни освобозени», в 1933–1936 гг. – редактором газеты «Лидовэ новины».

Крейчи Франтишек Вацлав (František Václav Krejčí, почетный доктор, 04.10.1867, Ческа Тршебова – 30.09.1941, Прага). Один из авторов Манифеста чешского модернизма 1895 г.; с 1897 г. – редактор газеты «Право лиду». Литературный критик, драматург, романист, эссеист. Во время войны, хотя и не сразу, присоединился к движению чешского антиавстрийского сопротивления, подписал Манифест чешских писателей, в июле 1918 г. стал членом Национального комитета. После возникновения ЧСР был депутатом Национального Собрания и летом 1919 г. возглавил делегацию к Чехословацкой армии в России.

Кудела Йозеф (Josef Kudela, 1886, Горни Лгота у Опавы – 23.03.1942, Освенцим). В Опаве закончил гимназию, с 1905 г. учился на философском факультете в Праге, где среди его профессоров был и Т.Г. Масарик. В 1910–1915 гг. работал учителем; 1 февраля 1915 г. был призван в австро-венгерскую армию, но долго в ее рядах не продержался, уже в сентябре 1915 г. сдался в плен русским. Сначала был в лагере военнопленных в Сибири (Курган); в сентябре 1916 г. был вызван в Киев Союзом чешских объединений в России. Решительно встал на сторону Т.Г. Масарика, был в оппозиции к монархистскому крылу Союза. В 1917 г. стал членом ОЧСНР, его отдела пропаганды. Сопровождал Масарика во время его визита в Россию, вел хронику

этого визита. С 1 января, когда было решено основать «Чехословенски Деник», Й. Кудела стал его руководителем; позднее возглавил вновь организованный ИОО. После возвращения на родину, майор русского легиона, доктор философии Йозеф Кудела, опираясь на свой опыт и знания, написал несколько работ по истории чехословацкого антиавстрийского сопротивления в России; работал в г. Брно учителем средней школы, затем директором гимназии.

Кундера Людвик (Ludvík Kundera, профессор, доктор философии, 17.08.1891, Брно – 13.05.1971, Брно). Воевал на русском фронте, в марте 1915 г. попал в плен, с августа 1916 г. работал в Клубе сотрудников, в мае 1917 г. стал секретарем комиссии Филиала ЧСНР в России, осенью прикомандирован к штабу Чехословацкого корпуса в России, с декабря 1918 г. работал в Информационно-просветительском отделе. После возвращения в ЧСР – профессор консерватории в Брно, в 1933 г. – государственный инспектор музыкальных училищ, в 1949–1962 гг. – ректор Яначковой Академии музыкальных искусств.

Лангер Франтишек (František Langer, доктор медицины, 03.03.1888, Прага – 02.08.1965, Прага). Воевал на русском фронте, в июне 1916 г. перешел к русским, врач лагеря для военнопленных в Царицыне, с июля 1917 г. – в чехословацких частях, с сентября 1917 г. – главный врач 1-го стрелкового Магистра Яна Гуса полка, в марте 1918 г. – комиссар 1-й стрелковой Гуситской дивизии и уполномоченный Филиала ЧСНР в России, в апреле 1919 г. – начальник медицинской службы 1-й стрелковой дивизии. После возвращения в ЧСР в 1921–1925 гг. – главный врач 1-го артиллерийского полка, в 1925–1931 – 151-го артиллерийского полка, в 1931–1935 г. – гарнизона Большой Праги, в 1938–1939 г. – начальник Пражской воинской больницы. Находясь в рядах вооруженных сил, работал и как литератор, писал статьи в газету «Лидовэ новины», сочинял пьесы, а в 1935–1938 гг. работал драматургом Театра на Виноградах. После немецкой оккупации в июле 1939 г. эмигрировал, подал заявление в Иностранский легион, с августа 1939 г. – начальник медицинской службы при Чехо-

словацком военном управлении в Париже, в 1940–1945 гг. – заведующий медицинским отделом Министерства обороны в изгнании. После освобождения ЧСР в 1946–1948 гг. – начальник военного медицинского консультационного корпуса.

Менгер Вацлав (Václav Menger, 1888–1947). Близкий друг Я. Гашека, написал о нем биографический роман; работал в кабаре «Семерка червей». Летом 1916 г. попал в плен на русском фронте. В Петропавловске основал кабаре «Сибирская четверка». Руководил легионерским театром (в качестве режиссера, актера и автора), а затем и театральной командой Филиала ЧСНР. После возвращения на родину работал, кроме всего прочего, в театре В. Бурриана. Снял несколько десятков фильмов.

Музика Йозеф (Josef Muzika, 1894–1984); учился игре на скрипке. С 1913 г. работал музыкантом в России (в том числе, в Свободной опере в Москве). В октябре 1918 г. стал концертным мастером музыкальной команды ОЧСНР, годом позже начал сотрудничать также и с симфоническим оркестром легиона. После войны был преподавателем игры на скрипке (в том числе, и в Брненской консерватории).

Новотны Карел, согласно сохранившемуся удостоверению (№ 2217, общий № 763, № подтверждения о пребывании в числе легионеров 23 526), выданному 10.07.1919 в Омске, служил в 6-м Ганацком полку в хозяйственной роте, т. е. был одним из так называемых «сачков», как добровольцы называли нестроевых (напр., портного, санитаря, врача, денщика). Карел Новотны (род. 10 октября 1882 г.) добровольно вступил в ряды 6-го Ганацкого полка 14 сентября 1917 г.; после войны стал сотрудником пограничной таможенной службы.

Штепанек Зденек (Zdeněk Štěpánek, 22.09.1896 – 20.06.1968). Театральную карьеру начал в труппе А. Марека. Призыва в австрийскую армию избежал тем, что вступил в нее добровольно, осенью того же года попал в плен на русском фронте. В Киеве выполнял разные работы, был поваром, пекарем, приказчиком в магазине, певцом, заведующим гостиницей и т. п. С 1916 г. – режиссер и актер чехословацкого

земляческого любительского театра. Добровольно вступил в Чешскую Дружину, в 1918 г. стал членом труппы Театра чехословацкой армии в России. После войны играл в Театре на Виноградах и в Национальном театре: Раскольников, Гамлета, Макбета. Был также драматургом, работал

чтецом-декламатором. Снимался и в кино, например, в фильмах «Белая болезнь», «Луна над рекой», в легионерском фильме «Кавалерийский патруль».

Статья поступила 25.04.2016 г.

Article received 25.04.2016 г.

Библиографический список

BOUČEK, Bohuslav, *Prosím, aby zápisník byl odevzdán mé ženě jako pozůstalost*, Praha 1998. (In Czech)

Československý Deník № 245 от 2 декабря 1918; № 249 от 7 декабря 1918. (In Czech)

ČERVINKA, Jaroslav, *Trp, kozáče, budeš atamanem*, Praha 1929. (In Czech)

ČERVINKA, Vincenc (ed.), *Naši na Sibíři: Kapitoly vlastní i cizí*, Praha 1920. (In Czech)

ČISAŘOVSKÁ, Blanka (ed.), Josef Charvát, *Cestou ze Sibíře do vlasti*, Praha 2001. (In Czech)

CTIBOROVÁ, Miroslava (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu České Budějovice*, České Budějovice 2000. (In Czech)

DUFKA, Josef, *Přál jsem si mít křídla: Vzpomínky hluckého legionáře z let 1919–1920*, Velehrad 2002. (In Czech)

FIBICH, Karel, *Povstalci III: Povolžská fronta; Povstalci IV: Bajkal – Vladivostok; Povstalci V: Vladivostok – ČSR*, Praha 1938.

FIC, Victor Miroslav, *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918, I. díl, Vznik československých legií v Rusku 1914–1918, Ruská otázka a boj za svobodný stát*, Praha 2006; *II. díl, Bolševici a československé legie, Počátek jejich ozbrojeného konfliktu, Březen – květen 1918*, Brno 2007. (In Czech)

FINK, Pavel, *Voják sedmé velmoci*, Brno 1945. (In Czech)

GAJDA, Radola, *Moje paměti*, Praha 1920. (In Czech)

GALANDAUER, Jan, *02.07.1917, Bitva u Zborova, Česká legenda*, Praha 2002. (In Czech)

GALANDAUER, J. a kol. (edd.), *Slovník prvního československého odboje 1914–1918*, Praha 1993. (In Czech)

JANIN, Maurice, *Moje účast na československém boji za svobodu*, Praha 1923. (In Czech)

JURMAN, O. (ed.), *Legionářská odysea: Deník Františka Prudila z ruské fronty*, Praha 1990. (In Czech)

K vítězné svobodě, 1914–1918–1928, Praha 1928. (In Czech)

KLIMEK, Antonín, *Velké dějiny zemí Koruny české, sv. XIII., 1918–1929*, Praha 2000. (In Czech)

KLIMENT, Josef, *Zápisky legionářovy: Ze života a bojů na Rusi ve světové válce v letech 1914 – 1919*, Středokluky 2005. (In Czech)

KOPTA, J., *Třetí rota na magistrále*, Praha 1931. (In Czech)

KOPTA, Josef, *Třetí rota*, Praha 1947. (In Czech)

KOVTUN, Jiří, *Masarykův triumf*, Praha 1991. (In Czech)

KRATOCHVÍL, Jaroslav, *Cesta revoluce*, Praha 1928. (In Czech)

KREJČOVÁ, Jana (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Prachatice*, Prachatice 2000. (In Czech)

KREJČÍ, František Václav, *U sibiřské armády*, Praha 1922. (In Czech)

KUDELA, Josef (ed.), *Deník plukovníka Švece*, Praha 1923. (In Czech)

LANGER, F. (ed.), *Pamětní kniha 1. střeleckého pluku Jana Husi*, Praha 1920. (In Czech)

LANGER, František, *Pes 2. roty*, Praha 1923. (In Czech)

nebo Návrat československých legií kolem světa, Praha 1921. (In Czech)

NĚMEC, Matěj, *Návraty ke svobodě*, Praha 1994. (In Czech)

OLEJNÍK, Jan (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Strakonice*, Strakonice 2000. (In Czech)

- PICHLÍK, Karel, *Bez legend*, Praha 1968 a 1990. (In Czech)
- PICHLÍK, K. – KLÍPA, Bohumír – ZABLOUDILOVÁ, Jitka, *Českoslovenští legionáři (1914–1920)*, Praha 1996. (In Czech)
- PSÍKOVÁ, Jiřina (ed.), *Českoslovenští legionáři: Rodáci a občané okresu Jindřichův Hradec*, Jindřichův Hradec 2001. (In Czech)
- RAŠE, Rudolf, *Na cestu domů: Několik rad a pokynů evakuovaným*, Irkutsk 1919. (In Czech)
- SAK, Robert, *Anabáze, Drama československých legionářů v Rusku (1914–1920)*, Jinočany 1996. (In Czech)
- ŠEDIVÝ, Ivan, *Češi, české země a Velká válka*, Praha 2001. (In Czech)
- ŠTEIDLER, František, *Naše vystoupení v Rusku v r. 1918*, Praha 1923. (In Czech)
- ŠTEIDLER, František, *Československé hnutí na Rusi: Informační přehled*, Praha 1921. (In Czech)
- SVOBODA, Karel, *S vichřicí do dvou světadílům: Dokumentární historie ruského legionáře*, Vyškov 1931. (In Czech)
- VÁCHA, Dalibor, *S legiemi kolem světa, Evakuace ruských legií po moři z Vladivostoku do vlasti*, in: Jihočeský sborník historický 75, 2006, s. 151–162. (In Czech)
- VALENTA – ALFA, Václav, *Do legie, Povídky o našich na Sibiři*, Praha 1924. (In Czech)
- VANĚK, Otakar – HOLEČEK, Vojtěch – MEDEK, Rudolf (edd.), *Za Svobodu I: Česká Družina 1914–1916, Československá brigáda, 1916–1917*, Praha 1925; *Za Svobodu II: Pod vedením prof. T. G. Masaryka, Československý armádní sbor, 1917–1918*, Praha 1926; *Za Svobodu III: Anabase, 1918–1920*, Praha 1926; *Za Svobodu IV: Od Volhy na Urál, Magistrála, Návrat do vlasti 1918–1920*, Praha 1929. (In Czech)
- VLASÁK, Rudolf, *Vojáci republiky II*, Praha 1934. (In Czech)
- VOLF, Jiří, *Medvědi pana prezidenta*, см. в: Res Musei Pragensis, Měsíčník Muzea hlavního města Prahy 10, 2000, s. 13–17. (In Czech)
- VONDRÁČEK, František, *Husité dvacátého století, Deník ruského legionáře*, Praha 1922. (In Czech)
- WARD, John, *With The Die – Hard in Siberia*, б. г. (In Czech)
- ZEMAN, Adolf, *Osvoboditelé*, Praha 1931. (In Czech)
- ZEMAN, Adolf, *Československá odyssea: Dojmy čsl. novináře-dobrovolce z cesty na lodi, Prezident Grant' z Vladivostoku do vlasti, Tichý oceán, květen – červen 1920*, Praha 1920. (In Czech)

Сведения об авторе

Далибор Ваха, доктор наук, писатель, независимый исследователь, Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1c, e-mail: vacha@szscb.cz

Dalibor Vacha, PhD, writer, independent researcher, Adress: U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic, e-mail: vacha@szscb.cz